

СЮЖЕТ РОМАНА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ГОРНОЕ ГНЕЗДО»

Л. ГАЛИНЕНЕ

Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо» (1884 г.) одно из произведений русской литературы второй половины XIX века, активно выражающих непримиримость к крепостническим пережиткам в пореформенном развитии России. «...Горячую вражду к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области...» В. И. Ленин считал одной из важнейших особенностей русского демократического просветительства конца XIX века¹. Мамин-Сибиряк в романе «Горное гнездо» поставил вопрос о засилии крепостнических пережитков в промышленности, вступившей после реформы 1861 года в капиталистическую полосу своей истории. В сложном сплетении самых противоречивых явлений, сопутствовавших кризису уральского горного дела, Мамин-Сибиряк выделяет самое основное — остатки крепостничества. В экономических и исторических исследованиях того времени, посвященных «уральской проблеме» (В. Белов, В. Рашет, М. И. Туган-Барановский), не было принято называть эту причину. Особая позиция Д. Н. Мамина-Сибиряка в характеристике пореформенной горной промышленности нашла свое подтверждение в научно обоснованном мнении об Урале великого русского ученого Д. И. Менделеева. «...Посессионные заводы, права их на землю и их обязательные отношения к казне и крестьянам так неопределенны, запутаны и условны, что все эти отношения ныне сильно задерживают надлежащее промышленное развитие Урала»².

Умение Мамина-Сибиряка выделить главное в жизни Урала высоко оценено В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России»: «...в произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному...»³.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 2, стр. 472.

² Д. И. Менделеев. Соч., т. XII, М.—Л., 1949, стр. 1060.

³ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 3, стр. 427.

В «Горном гнезде» Мамин-Сибиряк, прежде всего, обращает внимание на тот факт, что на уральских заводах остался все тот же хозяин, что был и при крепостном праве — русские промышленники-заводовладельцы, являющиеся прослойкой господствующих классов феодального общества. Герой романа Лаптев — потомок одного из первых «фундаторов», основателей уральских заводов еще в петровские времена. Давно уже отошли Лаптевы от непосредственного управления заводами, давно превратились в «роскошную ненужность». Таков итог исторической деградации правящих классов. Это та именно господствующая на Урале сила, которая должна быть сметена ходом исторического развития.

Но «Горное гнездо» это роман не только о растлевающем влиянии барства старой феодальной верхушки. Всем острием своей критики произведение направлено против буржуазии в той же, если не в большей степени, повинной в сохранении крепостнических пережитков в горной промышленности.

Поэтому центральное место в романе «Горное гнездо» занимает изображение конкретной деятельности буржуазных специалистов, пришедших на смену старым крепостным управителям заводов. И если в «Приваловских миллионах» (1882 г.) буржуа предстают как ненасытные хищники, грабящие Шатровские заводы, то в «Горном гнезде» писателя интересует их умение руководить и управлять промышленностью, то есть «власть капитала» на Урале. Д. И. Менделеев, побывав на горных заводах в конце 90-х годов пришел к выводу, что там «царят остатки старины». Это царство с беспощадной правдивостью описывается в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка. На счету у его героев, представителей пореформенной буржуазии, — Р. П. Горемыкиной (царицы Раисы), Майзеля, Вершинина, Р. Сахарова, Дымцевича — очень крупные «крепостнические подвиги»: составление и введение грабительских уставных грамот, экспроприация крестьянской части заводского населения. Подавляющее большинство вспомогательных рабочих, при крепостном праве лишь частично связанных с заводским производством, по этой уставной грамоте были зачислены в мастеровые и, таким образом, лишены права на землю. Настоящие потомственные рабочие — мастеровые тоже оказались связанными по рукам и ногам. Приусадебный участок ставил их в прямую зависимость от заводууправления, от хозяина, который мог диктовать любые условия. На счету у буржуазии умелая и хитрая тактика сдерживания реконструкции, сохранения ручного труда, жестокой эксплуатации, чтобы только не покупать дорогие

заграничные машины. И, наконец, на совести буржуазии сознательное культивирование рабских инстинктов, раболепия перед баринoм-заводoвладельцем. Заводское управление организует на заводах позорный спектакль встречи барина с колокольным звоном, с выпряганием тройки во вкусе старого крепостнического времени. Во время визита Лаптева все управляющие стараются прежде всего лично угодить заводoвладельцу, заслужить его расположение, и в этом ничем не уступают «верному рабу» Сахарову.

В романе «Горное гнездо» Мамин-Сибиряк обвиняет пореформенную буржуазию в антинародности, в связи с феодальной верхушкой, в продажности буржуазной интеллигенции и буржуазной науки (Блинов). И эти обвинения неопровержимы, все они получили в романе документальное подтверждение. В «Горном гнезде» Мамин-Сибиряк изображает всем известного на Урале и в России П. П. Демидова и его Нижнетагильский завод, «последовательно пункт за пунктом воспроизводит текст уставной грамоты Нижнетагильского завода»⁴, предав гласности этот позорный документ. В героях романа современники легко угадывали реальных деятелей горных заводов: в Сахарове — Я. С. Колногорова, в Тетюеве — В. Д. Белова, в Лаптеве — П. П. Демидова. Благодаря реальной основе обличительный пафос романа «Горное гнездо» приобретает исключительную актуальность и остроту, а само произведение отвечает художественным принципам литературы своего времени. В 80-е годы в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка идет активный процесс освоения утверждаемых М. Е. Салтыковым-Щедриным требований к художественной литературе: «Положение современной литературы можно сравнить с положением исследователя, которому предстоит уяснить совершенно новый вопрос»⁵. Изображение жизни без прикрас, вес и значение жизненного факта, научный подход к действительности, аналитический, исследовательский характер литературы стали в 80-е годы эстетическими категориями. В конкретной писательской практике это повысило интерес к научной литературе и спорам, к экономике, истории, этнографии, смело вводимым в художественные произведения. Возникло тесное родство художественного творчества с публицистикой. Широкое признание получила поэтика бытописания.

⁴ Вопрос о реальной основе романа «Горное гнездо» обстоятельно разработан и освещен в интересных статьях А. Г. Кандеевой: 1. Тема народа в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо». Уч. зап. Омского гос. пединститута, выпуск 8, 1957. 2. «О реальной основе романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо». Уч. зап. Омского гос. пединститута, выпуск 13, 1961, стр. 34.

⁵ М. Щедрин (М. Е. Салтыков). О литературе. М., 1952, стр. 305.

«Горное гнездо» по-настоящему щедринский роман: он получил признание М. Е. Салтыкова-Щедрина, был напечатан в последних (перед закрытием) номерах «Отечественных записок».

Таковы в очень кратком изложении особенности идейного содержания романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо», определившие его художественное своеобразие.

Сюжетно-композиционная структура романа «Горное гнездо» определяется идейным содержанием и, прежде всего, такой его особенностью, как документальность. Ни в одном из романов заводского цикла достоверность событий и лиц не достигает такой степени характерности, как в романе «Горное гнездо».

В основу сюжета романа положено реальное событие современности, свидетелем которого писатель был еще в детстве. «Наступила воля. В Тагильские заводы приехал сам молодой барин. П. П. Демидову было тогда 22—23 года. Все, конечно, ждали его приезда, как евреи ждут своего мессию, что-то скажет молодой барин? Какие порядки поставит? Не поможет ли простой черняди в новом, вольном положении? Барин явился в сопровождении громадной свиты, во главе которой стоял профессор Добровольский, ехавший на Урал со специальной целью завести новые административные порядки»⁶.

Степень достоверности событий и лиц в романе «Горное гнездо» столь высока, что возникла настоятельная необходимость завуалировать их прямой обличительный смысл, одновременно усилив обобщающий характер содержания произведения. В связи с этим в сюжетно-композиционной структуре романа «Горное гнездо» очень важную роль начинает играть щедринский художественный прием литературной аналогии. Устанавливается переключка, связь романа «Горное гнездо» со стихотворением Н. Некрасова «Забятая деревня». Известные строки из этого стихотворения:

Вот приедет барин —

Барин нас рассудит...

Мамин-Сибиряк делает лейтмотивом своего произведения.

Той же цели (соответствующей политической и сатирической ориентации) служит использование «щедринизмов», в авторской речи и в речи персонажей. Один из свиты Лаптева — Летучий охарактеризован как

⁶ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Сочинения. М., 1948, т. 8, стр. 407—408. В дальнейшем цитаты из текстов произведений Мамина-Сибиряка приводятся по этому изданию, с указанием тома и страницы.

«прогоревший помпадур». Прозоров прямо бросает в глаза «царице Раисе» и всем управителям, что основная формула их деятельности — «распивноч и на вынос». В стиле Щедрина получил свое звучное прозвище — «заводской Ришелье» — один из главных героев романа — Р. А. Сахаров.

Прием литературной аналогии приобретает свое высшее оправдание в процессе художественного воплощения в сюжете произведения реальных событий и лиц. Поездка Демидова на уральские заводы, торжественная встреча, устроенная ему высокопоставленными управителями горнозаводского дела, заключали в себе большой обличительный материал, раскрывающий политику господствующих классов в промышленности. Следуя гоголевскому «Ревизору», Мамин-Сибиряк весь этот «опасный» критический материал вводит в рамки традиционного литературного сюжета, завоевавшего право отражения важнейших сторон и отношений действительности. В данном случае можно говорить о сюжете, как о содержании произведения. Подобная точка зрения получила теоретическое обоснование в советском литературоведении. «Основная система событий обычно имеет огромное содержательное значение, непосредственно выражает те или иные стороны художественного замысла произведения»⁷.

В процессе художественного воплощения этого события в сюжете произведения Мамин-Сибиряк обращается к гоголевской традиции. Образцом для него служит комедия «Ревизор»⁸.

Хотя в переписке и высказываниях Мамина-Сибиряка нет прямых указаний на связь в сюжетосложении этих двух произведений, однако можно утверждать, что обращение к комедии Гоголя было сознательным и оправдало себя. У Гоголя Мамин-Сибиряк почерпнул представление о художественных возможностях воплощения подобного рода событий. Он заставляет своих героев пережить очень неприятные минуты. Привыкнув властвовать, повелевать, они теперь, в ожидании приезда заводовладельца, утрачивают свое величие и властность, они ничтожны и жалки. Мамин-Сибиряк беспощадно наказывает их. Гоголевский прием (письмо Загнеткина с сообщением о поездке Лаптева) помогло коротко и метко охарактеризовать порядки, царящие в главной петербургской конторе. Отсутствие прямой виновности Хлестакова в обмане, подсказывало исключительно плодотворный вариант ре-

⁷ Теория литературы, АН СССР, 1964 г., стр. 422.

⁸ Эта особенность романа «Горное гнездо» обратила на себя внимание советских ученых и исследована в книге А. И. Груздева «Д. Н. Мамин-Сибиряк», М., 1958 г.

шения роли заводовладельца во всей этой истории. Полная неосведомленность Лаптева в истинных, но глубоко скрытых пружинах организации его поездки на Урал, да и во всем, что происходит вокруг него, как нельзя лучше раскрывает социальное зло хлестаковщины на новом этапе развития русского общества.

Следуя Гоголю, Мамин-Сибиряк решает в романе важнейшую проблему героя и среды. Он сосредоточивает внимание на положении дел на уральских заводах, на деятельности «горного гнезда». Именно это обстоятельство повлекло за собой резкий поворот от концентрической композиции «Приваловских миллионов» к многогеройному роману, позволило осуществить очень важную часть художественного замысла (нейтрализация главного действующего лица).

В еще большей степени, чем эти прямые параллели, о творческом подходе Мамина-Сибиряка к гоголевской традиции свидетельствуют несоответствия и расхождения с сюжетом «Ревизора», которые мы наблюдаем в романе «Горное гнездо». Мамин-Сибиряк пронизывает весь эпизод встречи атмосферой торжественности, окружает приезд барина всеобщим ликованием народа. Ни в каких других сценах романа обличение живучести рабских инстинктов в рабочей среде не достигает такой силы, как здесь. Эти сцены занимают центральное место в романе, свидетельствуя о том, что Мамин-Сибиряк прекрасно осознает те художественные задачи, которые стоят перед ним в отличие от автора «Ревизора». Соответствующим образом меняется и позиция автора, берущего на себя роль летописца, правдиво воспроизводящего важное историческое событие во всей его достоверности. Роман «Горное гнездо» становится как бы протокольной записью события. Она начинается с первого сигнала (письмо Загнеткина) и заканчивается быстрым свертыванием действия после отъезда Лаптева. В следующих одна за другой главах романа в строгой последовательности развивается действие в рамках данного события. В «Горном гнезде» Мамин-Сибиряк изменяет своей излюбленной манере деления произведения на части и главы. Единое событие, динамичный сюжет объединяют все главы в монолитное целое и делают излишним дополнительную их группировку. Главы между собой связаны (в подавляющем большинстве случаев) хронологически, как протокольная запись того, что происходит.

Глава II: «Через полчаса Раиса Павловна спускалась с открытой веранды...» (т. 3, стр. 15).

Глава III: «Возвращаясь из сада домой, Раиса Павловна...» (т. 3, стр. 26).

Глава V: «Прошел май, а барин все не ехал» (т. 3, стр. 100).

Глава XII: «Пока совершался торжественный приезд Лаптева...» (т. 3, стр. 114).

Глава XIV: «На другой день по приезде Лаптева...» (т. 3, стр. 130).

Глава XV: «У Майзеля на другой день после приезда Лаптева на заводы был маленький деловой вечер с закуской» (т. 3, стр. 150).

Глава XV: «С самого первого дня появления Лаптева...» (т. 3, стр. 16).

Глава XX: «Через несколько дней после бала...» (т. 3, стр. 195).

Все вместе это создает впечатление монолитности, компактности материала произведения.

Бросается в глаза большая протяженность экспозиции в сюжете романа «Горное гнездо» в отличие от комедии Гоголя «Ревизор». Этот элемент сюжета Мамин-Сибиряк делает очень значительным по своей идейной нагрузке и разнообразным по художественно-изобразительным средствам. В экспозиции подготавливается почва для восприятия события, которое должно произойти. На приезд барина можно взглянуть по-разному. Мамину-Сибиряку очень важно нейтрализовать интерес к самой персоне барина и привлечь внимание к тем общественным силам, которые будут действовать в создавшейся ситуации. Особое значение в экспозиции приобретают те эпизоды и факты, которые подготавливают такое именно отношение к приезду Лаптева на заводы. Такова предыстория Сахарова — составителя грабительской уставной грамоты, «заводского Ришелье», пользующегося среди рабочих репутацией самого отъявленного крепостника. Таковы подробно охарактеризованные в экспозиции отношения жены главного управляющего Горемыкина и Сахарова. Оба эти героя первыми вводятся в действие за свои крепостнические «подвиги».

Особое значение в экспозиции приобретает сцена в господском доме, когда приживалки «царицы Раисы» — «галки», ожидая приезда барина, поднимают ложную тревогу. Прасковья Семеновна первая увидела, что «через площадь мимо здания заводууправления, быстро катился громадный дорожный дормез, запряженный четверней. За ним, заливаясь почтовыми колокольчиками, бежали пять троек, поднимая за собой тучу пыли» (т. 3, стр. 93). «Это Евгений Константинович!» — вскрикнула Аннинька, бросаясь предупредить Раису Павловну. И очень многозначительна при этом реплика Эммы: «Вздор, Аннинька! Лаптев так никогда не поедет» (т. 3, стр. 94). Так раскрывается секрет — Лаптев не может приехать на заводы незаметно, без соответствующей организации его встречи.

Экспозицию завершает настоящее общественное «представление» на площади, разыгранное по всем правилам крепостнической традиции. В качестве главного режиссера здесь не случайно фигурирует ярый крепостник в душе Р. А. Сахаров. Мамин-Сибиряк заставляет наэлект-

ризованную ожиданием толпу поприветствовать первым своего режиссера. «Дальний конец студеной улицы точно дрогнул, и в воздухе рассеянной звуковой волной поднялось тысячеголосое «ура». Но это был еще не барин, а только вихрем катилась кибитка Родиона Антоновича, который, без шляпы, потный и покрытый пылью, отчаянно махал обеими руками, выкрикивая охрипшим голосом:— Тише! ..Ах, б-божже мой!.. Чертоломы вы этакие! Чего напрасно глотку дерете?! Чему обрадовались?» (том 3, стр. 108).

В экспозицию Мамин-Сибиряк вводит живых свидетелей подобного рода событий при крепостном праве и делает древних заводских стариков комментаторами всего происходящего. Все делается так, как было в пору их крепостной молодости. «Только вот Тетюева не стало, некому принять барина по-настоящему» (т. 3, стр. 106).

Экспозиция выполняет в романе и еще одну очень важную задачу — здесь полностью раскрывается состояние дел на Кукарских заводах. Оно напоминает положение необъявленной войны заводоуправления с заводским населением. Введение уставной грамоты было победой управляющих. Родион Антоныч «подыскал несколько подходящих старичков, усовестил их, наобещал золотые горы, и те подмахнули за все общество». «Как упрямые мужики ни артачились, как ни хлопотали, дело оставалось в том же положении» (т. 3, стр. 69).

Известие о приезде барина вновь взбудоражило заводское население: появилась надежда на пересмотр уставной грамоты, на справедливое решение земельного вопроса. Мужики осмелели, выделили ходоатаев, составили бумагу и задались целью обязательно добратся до самого Лаптева. «В уверенном выражении этих серьезных лиц сказывалась непоколебимая вера в правоту своего дела и твердое желание послужить миру до последнего. Ведь барин сейчас приедет, все увидит, все разберет и все устроит» (т. 3, стр. 106). Теперь в свою очередь серьезно встревожен Сахаров, а Раисе Павловне ничего другого не остается, как сделать хорошую мину при плохой игре: — «Напрасно вы с своими пустяками Евгения Константиновича хотите беспокоить, старички!» (т. 3, стр. 107). Начинается полоса больших неприятностей для Сахарова и «царицы Раисы», полоса тревог и переживаний. При этом Мамин-Сибиряк полностью исключает мотив раскаяния и угрызений совести у этих своих героев. У них ни на минуту не возникает сомнения в «правильности» проводимой на заводах политики. Злоба на более сильного и коварного врага, досада на допущенные просчеты, на несправедливость судьбы составляют диапазон их эмоций. Но они ничего

не хотят исправлять в уже содеянном. Поэтому в экспозиции романа нет действия в таком виде, как в комедии Гоголя «Ревизор». Никто не собирает совещаний, не дает никаких указаний. Только инженер Горемыкин срочно приводит в порядок заводские корпуса, да и то, по мнению Раисы Павловны, занимается ненужным делом: «Евгений Константиныч и не заглянет к вам на фабрики. Очень ему нужно глотать заводскую пыль...» (т. 3, стр. 77).

В состоянии обреченности, «царица Раиса» мучительно старается восстановить во всех звеньях «механику», подведенную под Лаптева. И она докапывается до истины, так как очень хорошо знает мир деловых кругов России. Экспозиция включает в себя и эмоционально-психологическую подготовку событий. Мамин-Сибиряк умело включает психологические факторы страха, огорчения, сожаления, боязни, злобы в общую предгрозовую атмосферу и с огромным мастерством нагнетает психологическое напряжение в ожидании приезда барина. Эмоционально-психологический план экспозиции подчеркивает значительность предстоящего события. Волна за волной распространяется это напряжение и охватывает все заводские слои. Гнетущее чувство тайны и неопределенности передается по эстафете от Раисы Павловны к Родиону Антоновичу Сахарову. Следуют прекрасно написанные сцены мучительных раздумий Родиона Антоновича, окруженного в своем доме дорогами и любимыми вещами, уютом: «Родион Антонович с тоской посмотрел на расписной потолок своего кабинета, на расписанные трафаретом стены, на шелковые оконные драпировки, на картину заводского пруда и облепивших его домиков, которая точно была нарочно вставлена в раму окна, и у него еще тяжелее засосало под ложечкой» (т. 3, стр. 55). Прекрасно передает состояние героя интерьер, сон (т. 3, стр. 60).

Один за другим новые герои (Прозоров, Майзель, Вершинин, Тетюев, Луша, Горемыкин) и целые слои заводского населения (заводские служащие, мастеровые, подсобные рабочие) подхватываются этой волной напряженного ожидания: «Известие о приезде Лаптева молнией облетело не только Кукарский, но и все остальные заводы» (т. 3, стр. 33). В IV главе Мамин-Сибиряк прослеживает те замысловатые пути и дорожки, по которым распространялись слухи о приезде Лаптева. И по всем заводам начался «базар житейской суеты в его самых живых движениях, когда наверх всплывали самые горячие интересы и злобы» (т. 3, стр. 36). Психологическое напряжение уже в экспозиции время от времени находит выход в разного рода конфликтах. За

завтраком у Раисы Павловны мадам Майзель переходит в атаку: «Я знаю все... все!.. Вас всех отсюда метлой выгонят... всех!» Стычки сменяются томительным напряжением ожидания: «Прошел май, а барин все не ехал. В господском доме стояла страшная и томительная скука, какая овладевает человеком перед грозой». Все желали только одного, «чтобы все это поскорее разрешилось в ту или в другую сторону» (т. 3, стр. 100).

Завершается экспозиция введением в действие основной силы — народной массы — огромной, торжественно собравшейся на площади и тоже с напряжением и надеждой ожидающей барина. Вся эта толпа «приготовилась простоять здесь до самого вечера», но все-таки дожидаться его.

Завязка сюжета падает на XI—XIII главы романа и по-настоящему завершает экспозицию. Здесь показаны приезд и встреча барина. Это действительно торжественное, необыкновенное событие. Остановлены заводы. Все население заводского округа вышло на площадь: «мастеровые в новых зипунах и армяках», бабы, ребятишки, старики — все собрались на площади, как по случаю великого праздника, «общее настроение толпы было самое торжественное» (т. 3, стр. 103). Во всем «парадном облачении» появляется духовенство, «галдит» по-праздничному «живое море» на площади. «Загорелые, обожженные в огненной работе лица заводских рабочих выглядели сегодня празднично, с тем довольным выражением, с каким смотрит отдыхающий человек. Бабы трещали, как сороки, пощелкивая кедровые орехи; ребятишки совались меж ног, толкали всех и, как воробы, рассыпались в мгновение ока при грозном слове какого-нибудь сердитого старика» (т. 3, стр. 103). Веселое, праздничное оживление переходит в восторженное приветствие Лаптева: «загудели все колокола», выстроилась депутация с хлебом-солью, «улица и площадь представляли собой настоящее море, которое кипело и бурлило», «дружный крик тысяч людей» приветствовал барина. Торжественность минуты была столь велика, что старик-священник был буквально подавлен ею. Он «достал из-под ризы бумажку и хотел по ней прочесть приветственное пасторское слово, но голос у него дрогнул на первых строках, и он только бессвязно пробормотал какой-то текст из священного писания» (т. 3, стр. 111). «Свершилось, дождались, приехал», — эти слова выражают настроение толпы на площади, венчающее собою долгую и мучительную полосу ожидания приезда заводовладельца.

Завязка — это начало действия. Пробил час активной деятельности для мужиков, для местных, и петербургских дельцов, поставленных теперь лицом к лицу. Мамин-Сибиряк прежде всего четко определяет позиции основных сил, действующих в романе, противоречия между народом и господствующими классами.

С глубоким удовлетворением созерцают и местные и петербургские дельцы народный энтузиазм и раболепие. В многочисленных сменяющих друг друга эпизодах XI—XIII глав Мамин-Сибиряк описывает самые неожиданные и разнообразные формы проявления народного восторга перед Лаптевым.

«Вотан, барин-от... Уррра-а-а!» — неистово орал какой-то мастеровой, в порыве энтузиазма хватаясь за колесо останавливавшегося экипажа» (т. 3, стр. 109).

«Голубчик ты наш! родименький!» — подывали в толпе бабы, вытягиваясь на носочки» (т. 3, стр. 109).

Казак в пылу усердия берет перед барином «под козырек».

«Торопливо приложился к барской ручке» Сахаров.

«Со всех сторон посыпались» на барина «рабы» поцелуи; «кто-то в пылу энтузиазма целовал даже его голое колено» (т. 3, стр. 111—112).

«Десятка два катальных и доменных рабочих живо отпрягли лошадей и потащили тяжелый дорожный экипаж на себе. Толпа неистово ревела, сотни рук тянулись к экипажу, мелькали вспотевшие красные лица, раскрытые рты и осовевшие от умиления глаза» (т. 3, стр. 112).

На этот народный энтузиазм рассчитывали дельцы, организуя встречу барина. И местные, и столичные деятели промышленности едины в своем желании остановить историю, увековечить веру в могущество барина, покорность и преданность ему народа: так легче управлять заводами.

Но в жизни все получается не совсем так, как этого хотелось бы хозяевам. Есть обратная сторона во всем этом народном энтузиазме — ее просто не хотят видеть господствующие классы. Собрав все заводское население на площади, Мамин-Сибиряк дает понять, что не все заводские одинаковы. Центром толпы являются мастеровые. Самые видные, самые сильные, уверенные и сознательные, эти потомственные рабочие вызывают симпатию своим человеческим достоинством. Они подсмеиваются над всеобщим ликованием, заводят разговор о роли барина на заводе.

Затем Мамин-Сибиряк показывает, как охотно заводское население подчиняется всем командам и указаниям Р. Сахарова — своего врага номер один. Первым «целование ручки» начинает Сахаров и подает пример остальным. Лошадей из дорожного экипажа опять-таки выпрягают «по мановению руки» Родиона Антоновича. И тогда это необык-

новенное усердие и рвение оборачиваются иной, самой главной своей стороной. Сахаров-де лучше всех знает как угодить барину, вот мужики и усердствуют. Поэтому-то автор и не боится поиронизировать над толпой, поставив перед ней барина в самом необычном облачении. Клетчатая пестрая юбочка шотландского костюма «немного смутила восторженную публику», но скоро все получило свое объяснение — барин. «Только голые колени барина немного смутили самых смелых, по тому что решительно не находилось для них никакого подходящего извиняющего мотива» (т. 3, стр. 110).

И каждый из эпизодов встречи имеет две стороны: одну — рабски-умилительную, другую — нарочито усердную в расчете на то, чтобы потешить барина. Именно поэтому даже представить себе невозможно торжественные проводы барина — никто даже не заметил, как он потихоньку убрался с завода. А Сахаров сразу же после торжественной встречи почувствовал, как к нему относятся мужики, и готовы ли они его слушать.

Завязка завершает первую часть романа и начинает собою вторую, во многом контрастно противоположную первой. Очень многого ожидали от приезда барина все силы, действующие в романе: мужики — милости, пересмотра грамоты; инженер Горемыкин — похвалы за технические успехи. Одни управляющие надеялись выдвинуться (Майзель, Вершинин), а Сахаров и Раиса Павловна дрожали от страха. Но все дело кончилось визитами, вечерами, балом, пикником, охотой. Контраст между первой и второй частью романа раскрывает противоречие в жизни господствующих классов России, подмеченное еще Гоголем и удержавшееся в русской жизни и после реформы, — противоречие между той значительностью, сознанием собственной важности, претенциозностью, которыми окружают себя правящие классы, и их ничтожеством, никчемностью и пустотой. I—XII главы мотивируют, подготавливают событие, нагнетают напряженность. Затем следует наивный вопрос Лаптева: «Что мы будем здесь делать?» (т. 3, стр. 129) и, наконец, сами дела, не оправдавшие и доли тех ожиданий и надежд, которые на них возлагались, той торжественности и значительности, которая придавалась приезду Лаптева на заводы.

XIII—XXXI главы романа — это развитие действия, кульминация и развязка сюжета произведения. На рубеже двух частей романа Мамин-Сибиряк устанавливает водораздел. Он сам берет слово, вводит в роман авторское отступление и философский пейзаж. Он ненавидит своих героев и отмежевывается от них. В эту ночь после торжественной

встречи герои все вместе предстают перед его мысленным взором. «Посмотрите, как крестится и шепчет торопливо молитву на сон грядущий» Сахаров, как «напрасно ощупывает свою голову, точно подыскивая какое-то забытое утешение» (т. 3, стр. 127).

«Чугунная болванка, убийственно похожая на затасканную замшевую куклу...» — Нина Леонтьева «недовольна генералом». «Ночь не принесла с собой покоя». Она брюзжит, угрожает, требуя от профессора смелых и решительных действий против своих врагов. А генерал Блинов, представляющий русскую науку в свите Лаптева, «боится этой куклы» и по инерции продолжает бормотать, что «честно выполнит взятую на себя задачу».

Прозоров в пьяном угаре сотрясает воздух самыми пронизательными оценками и обобщениями событий. Он-то знает, как нужно поступить со всеми подлецами во главе с Мироном Блиновым: «Неужели еще не выросла та осина, на которой всех вас следует перевешать» (т. 3, стр. 128).

Приехавший на заводы Лаптев, погружен в приятные воспоминания. Он «задумчиво смотрит в пространство и не может никак представить, что может делать теперь его возлюбленная м-ль Братковская. Прейн коварно обрывает нежные мечты патрона разговорами о делах. Но Евгений Константинович все равно думает о Гортензии и «отходит ко сну, напрасно стараясь решить, что теперь она делает» (т. 3, стр. 130).

Отрадная картина возникает вдруг перед мысленным взором автора: «По голубому северному небу, точно затканному искрившимся серебром, медленно ползла громадная, разветвленная туча, как будто из-за горизонта протягивалась гигантская рука, гасившая звезды и вот-вот готовая схватить самую землю. Домики Кукарского завода на этой руке сделались бы не больше тех пылинок, которые остаются у нас на пальцах от крыльев моли, а вместе с ними погибли бы и обитатели этих жалких лачуг, удрученные непосильной ношей своих подлостей, интриг, глупости и чисто животного эгоизма» (т. 3, стр. 127). Это авторское отступление играет очень важную роль в композиции романа, являясь водоразделом между двумя его частями — экспозицией и развитием действия (конец XIII главы).

Оно воспринимается как приговор, предваряющий непосредственное действие героев романа, и никаких сомнений относительно исхода события не оставляет.

Развитие действия включает в себя обширный материал о местных (уральских) и петербургских дельцах и о делах «мужицкой депутации»,

представляющей крестьянскую часть заводского населения. Мужичье раболепие перед бариним в первой части сменяется активной деятельностью, настойчивым желанием говорить с самим бариним, обжаловать беззакония и несправедливости. Массовые сцены во второй части говорят о настоящей осаде господского дома: «...Все время, как приехал барин, от господского дома не отходила густая толпа, запрудившая всю улицу.

...Родион Антоныч с ужасом видел, как из моря голов поднимались чьи-то руки с колыхавшимися листами писаной бумаги. ...Именно лист такой бумаги подняли на длинной палке к самому балкону, и, по всей вероятности, Лаптев принял бы это прошение, если бы лихой оренбургский казак вовремя не окрестил нагайкой рук, которые держали шест с прошением» (т. 3, стр. 167). Здесь и вышедшая на поверхность открытая вражда мужиков с Сахаровым (гл. XVIII и XXVIII). Это и сцена вручения бумаги самому Лаптеву, и единоборство Родиона Антоновича с мужиками (гл. XVIII).

В борьбе за землю особенно активно действует мужицкая депутация. Непоспешными путями проникают ходоки в господский дом (хотя Сахаровым приняты все меры, чтобы этого не случилось), добираются до «своего человека» — слуги Лаптева, с тем, чтобы тот помог им. С упорством и настойчивостью добиваются мужики встречи с бариним, стоя на коленях, вручают ему «бумагу». Радуюсь удаче, мужицкая депутация подсмеивается над Родионом Сахаровым, преждевременно торжествуя победу.

Во время посещения завода бариним мастеровые демонстрируют артистический труд на «огненной работе», а на консультации с участием Лаптева толково спорят с генералом Блиновым, отстаивая свои интересы. Во многих сценах романа показана длинная цепь неудач «мужицкой депутации». Одновременно в этих же сценах раскрывается антинародная политика местных и петербургских дельцов.

Одни устраивают рабскую вакханалию по случаю приезда барина; другие (Нина Леонтьевна, генерал Блинов) — принимают ее; одни умирят народ с помощью «лихих оренбургских казаков» — другие делают вид, что не замечают ничего страшного. Одни (местные дельцы, Раиса Павловна, Сахаров) составляют грабительскую уставную грамоту, а генерал Блинов, по сути дела, теоретически оправдывает и узаконивает ее. Именно поэтому глава XXVIII, изображающая консультацию у генерала Блинова, воспринимается как кульминация действия. До консультации еще была какая-то надежда на возмездие, пос-

ле консультации она исчезла. Сама по себе эта консультация генерала Блинова не планировалась. Здесь автор столкнул буржуазного ученого с народом и заставил его показать свое истинное лицо: готовность оправдать самые вопиющие остатки крепостничества в угоду своим повелителям — уральским заводовладельцам. Дело мужиков проиграно. Вряд ли после этого можно рассчитывать на народный энтузиазм. Торжественные проводы барина становятся невозможными, развитие действия, кульминация определяют развязку сюжета (тайный отъезд Лаптева).

Развитие действия как элемент сюжета в романе «Горное гнездо» включает в себе огромный обличительный материал. Если в экспозиции даны подготовка к действию, ожидание урочного часа, то теперь он настал. Местную и Петербургскую буржуазию обличают дела, поступки, действия, раскрываемые в многочисленных эпизодах, сценах, диалогах и внутренних монологах героев.

Развитие действия по своему материалу становится прямым контрастом той атмосфере напряженности, которая характеризует первую часть. Немногочисленные эпизоды чисто делового плана — посещение завода, состоявшееся (глава XIV) и несостоявшееся (глава XXVI), консультация (глава XXVII) доклады, планы и большое количество самых разнообразных увеселительных сцен и эпизодов — визиты, прием, подготовка бала, бал, прогулки в горы, свидания, встречи, угощения, охота составляют развитие действия. Увеселительные мероприятия не только преобладают количественно, но являются основной сферой проявления активности и соперничества местных и столичных деловых кругов. Каждый новый этап в развитии действия углубляет контраст между атмосферой величия и значительности, которой окружают себя господствующие классы, и пустотой и ничтожеством их дел.

Во второй части, как и в первой, нет главного героя. Экспозиция подготовила интерес к событию. Развитие действия шаг за шагом раскрывает такие дела большого и малого двора, которые уводят далеко в сторону от решения серьезных проблем заводской жизни. Первое же посещение заводов заканчивается капризом Лаптева, а действие выходит из сферы деловых интересов. Развитие действия раскрывает такие личные качества Лаптева (лень, апатичность, равнодушие, индифферентность), которые лишают его возможности играть центральную роль в событии. Именно так, с целью децентрализации Лаптева, и строится действие романа. О Лаптеве Мамин-Сибиряк сразу же сообщает самые исчерпывающие сведения: о его происхождении, воспитании,

деградации всего рода, о его характере, привязанностях, о заговоре Тетюева с петербургскими дельцами и др. Здесь все тайное стало явным, все раскрыто и объяснено. Любопытство к персоне Лаптева, таким образом, полностью удовлетворено, а дальнейшее развитие сюжета ничего существенного к этой характеристике не добавляет. И в любовной интриге Лаптев потерпел полное фиаско — Луша предпочла ему живого, умного Прейна.

Среди местных и петербургских дельцов Мамин-Сибиряк тоже не выдвигает на первый план никого, всякий раз раскрывая образ через событие. Именно поэтому так ограничивает Мамин-Сибиряк количество биографий в романе по сравнению с «Приваловскими миллионами». Такие основные герои романа, как Майзель, Вершинин, Сарматов, в какой-то мере даже Прейн, даны без предысторий. Иногда это даже наносит ущерб делу. Например, в образе Прейна Мамин-Сибиряк без биографии не сумел прояснить конкретно-исторический характер, и он остался как бы незавершенным.

Ни один из героев романа не достигает превосходства над другими: успех Майзеля нейтрализуется Вершининым, успех Вершинина — Сахаровым, торжество петербургских дельцов — Прейном и т. д. Дела и планы самого крупного дельца — Прейна все время покрыты тайной. Это или какой-то очень глубокий психологический расчет (стал поддерживать во всем Тетюева, зная, что Лаптев не выдержит деловых визитов) или действия, о которых можно только догадываться (например, разговор с набобом после свидания с «добрым гением»).

Не вмешиваясь в действие, Мамин-Сибиряк использует конкуренцию в лагере буржуазных дельцов для взаимного разоблачения: здесь и откровенные признания — саморазоблачение в узком кругу Раисы Павловны и Нины Леонтьевны (эпизод с Тетюевым, гл. XVII), и внутренние монологи (Сахаров), и диалоги (Майзель и его жена, гл. XVII). Постепенно в ходе развития действия разоблачается видимость общественной борьбы между дельцами, и остается только одно — борьба за место главного управляющего. «Все тяготели к тому жирному куску, который мог сделать свободным каждую минуту, в виде пятнадцати тысяч жалованья главного управляющего, не считая квартиры, готового содержания, безгрешных доходов и выдающегося почетного положения» (т. 3, стр. 153).

Одного за другим перебирает Мамин-Сибиряк своих героев, давая им возможность пережить момент предельного приближения к заветной цели (Вершинину — через понравившуюся набобу лапшу из харюзей;

Майзелю — через маринованную губу лося; Сахарову — через борьбу). И даже Перекрестов «тоже возмечтал»: «Ведь в самом деле, мыкался, мыкался он по всем континентам, продавал все и всех, заискивал, льстил, унижался и все-таки гол как сокол! Надо же когда-нибудь и остепениться! В бесшабашной голове Перекрестова мелькнула счастливая мысль: а что, если бы ему, Перекрестову, занять место Горемыкина...а?...» (т. 3, стр. 282).

Два плана — внешний, событийный, и внутренний, психологический, так же, как и в «Приваловских миллионах», четко выделяются и в новом романе Д. Н. Мамина-Сибиряка. Только в «Горном гнезде» эти два плана используются в новой обличительной функции как соотношение явного и тайного в деятельности героев. Их поступки (действия) комментируются и оцениваются затем во внутренних монологах. Очень часто внешнюю, событийную канву романа комментируют Сахаров, Раиса Павловна. Внутренние монологи Луши Прозоровой являются своеобразным психологическим отражением происходящих на заводе событий. С особой силой сконцентрированы комментаторские способности в образе Прозорова. Как в «Приваловских миллионах» Хиония Алексеевна Заплата, Прозоров является активным помощником автора. Мамин-Сибиряк ставит интеллигента-разночинца в активную оппозицию ко всем героям романа. Прозоров разгадывает и придает гласности тайные намерения, планы буржуазных дельцов. Уже в самом начале, еще до приезда Лаптева, он предсказывает, чем кончит Тетюев, разгадывает цель визита Раисы Павловны к нему: во флигель и смысл осторожных расспросов о Блинове. Прозоров дает убийственные характеристики сильным мира сего: Раисе Павловне — «перестаньте играть в прятки»; Майзелю — «дни наши сочтены»; Блинову — «Ты продал душу черту, т. е. капиталистам»; Сахарову: «Ну, иудейская закваска. Ты из подлецов подлец». И всему вместе «горному гнезду»: «Виталий Прозоров пьяница и потерянный человек во всех отношениях, является единственным честным человеком, последним римлянином... ха-ха! Вот она где настоящая-то античная трагедия» (т. 3, стр. 332).

Герой-комментатор выступает в качестве «неофициального» оппонента профессора Блинова. Он доказывает своему ученому коллеге, что капитализм в России как бы «сознательно обходит свои прогрессивные функции повышения производительности труда и развития крупного машинного производства», что сопровождается это развитие «страшным пауперизмом и этого нельзя не видеть». «Ты хочешь затянуть мертвой петлей десятки тысяч людей во имя своих экономических фантазий»

(т. 3, стр. 148). И это единственное возражение профессору в романе, не считая беспомощных попыток самих мужиков.

После экспозиции и завязки, развитие действия набирает быстрые темпы.

Внесюжетные компоненты произведения в «Горном гнезде» не имеют такого веса, как в «Приваловских миллионах» и не затормаживают развития сюжета. У Мамина-Сибиряка нет другого такого произведения, в котором бы сюжет так органично охватывал, организовывал действие, как в «Горном гнезде», где, в строгом смысле слова, нет внесюжетных компонентов.

Действие достигает своего наивысшего развития по двум линиям: в борьбе мужиков за землю кульминационный момент падает на консультативное совещание (глава XXVII). А в обличительной линии, изображающей борьбу разных группировок буржуазии, она связана с отъездом Лаптева. Доклад Тетюева самому заводовладельцу уже не состоялся. Решительный анекдотический поворот сюжета — его кульминация и развязка — разоблачают ничтожность всей внутренней борьбы враждующих группировок. Все осталось по-старому, после приезда барина даже стало более прочным, незыблемым. Торжествуют дельцы — составители уставной грамоты, отобравшие у крестьян землю, победившие земство в его справедливых притязаниях, связавшие по рукам и ногам всю массу заводского населения. Развязка романа утверждает сознательность проводимой на заводах антинародной политики, с ориентацией на предельное сохранение крепостнических пережитков. В итоге не остается никаких надежд на постороннее вмешательство, не остается веры в «доброе барина». Судьба и положение заводского населения поставлены в зависимость от его собственного самосознания и, в конечном итоге, от борьбы за свои права. «Горное гнездо» прямо подводит к проблематике нового романа о народе, замысел которого будет осуществлен в 1890 г. («Три конца»).

Сюжет «Горного гнезда» занимает важное место в становлении принципов сюжетосложения в творчестве Мамина-Сибиряка 80-х годов, и в особенности в романах заводского цикла.

Здесь получает утверждение критерий реальности, ставший обязательной особенностью сюжетов произведений Мамина-Сибиряка. Сюжеты всех романов заводского цикла 80-х годов восходят к конкретным реальным событиям современности: «Приваловские миллионы» — к ис-

тории Сергинских заводов, «Горное гнездо» — к деятельности Демидовых, «Три конца» — к отмене крепостного права на Урале.

Четкое воплощение в «Горном гнезде» получает событийность сюжета, ставшая принципом сюжетосложения в дальнейшем творчестве Мамина-Сибиряка. Событие в романах Мамина-Сибиряка (воля — в «Трех концах», операция Запольского банка — в «Хлебе») связывает крепким узлом воедино всех героев, позволяет вводить в произведение большое количество действующих лиц.

Вместе с тем, динамичное, четкое построение сюжета, возможность выделить в нем разные этапы развития действия делают роман «Горное гнездо» выпадающим из общей закономерности творчества Мамина-Сибиряка. Ему в гораздо большей степени свойственно тяготение к широким полотнам жизни, к большому количеству внесюжетных компонентов произведения, к сложной композиции. «Три конца» как летопись по своей композиции ближе к «Приваловским миллионам». А «Горное гнездо» не случайно предшествует интенсивному развитию драматургии в творчестве Мамина-Сибиряка 80-х годов.

Январь, 1968

Вильнюсский педагогический институт

D. N. MAMINO-SIBIRIAKO ROMANO „KALNŲ GŪŽTA“ SIUŽETAS

L. GALINIENĖ

Re z i u m ė

Straipsnyje analizuojamos D. Mamino-Sibiriako romano „Kalnų gūžta“ (1884 m.) siužetų ypatybės, kurių savitumą sudaro tai, kad kūrinio siužetas grindžiamas realiu įvykiu, kurio liudininku vaikystėje buvo pats autorius.

Įvykiais remiamas siužetas padeda Maminui-Sibiriakui atsisakyti koncentrinės kompozicijos ir pereiti prie romano su daugeliu veikiančių asmenų.

Dinamiškas ir sklandus „Kalnų gūžtos“ siužetas, jo konfliktiškumas, parengė Mamino-Sibiriako devintojo dešimtmečio dramaturgijos išsivystymą.

THE PLOT OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK'S NOVEL *MOUNTAIN NEST*

L. GALINIENE

S u m m a r y

The Author analyses in the present article the specific traits of the plot of Mamin-Sibiryak's novel *Mountain Nest* (1884) notable for its being built up upon a real event witnessed by Mamin-Sibiryak in his childhood.

The plot based on real events enables Mamin-Sibiryak to give up concentric composition and as a result to write a novel with a multitude of characters.

The dynamic and smooth plot of the *Mountain Nest*, its conflictiveness heralded the development of Mamin-Sibiryak's dramatic craft of the nineties.